

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

В.И. ЕРМОЛОВИЧ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО ФЕОДАЛЬНОЙ СЕРБИИ (ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ) (Часть 3. Начало в № 6 2001 г. и № 1 2002 г.)

5. Обязательственные правоотношения. Становление централизованного феодального государства сопровождается процессом формирования единого рынка страны. Это в свою очередь стимулирует хозяйственную деятельность в масштабе государства, что способствует углубленному развитию договорных правоотношений. Договорные отношения — это важнейший регулирующий фактор гражданской и хозяйственной жизнедеятельности общества, который базируется на правоспособности и дееспособности юридических и физических лиц. Данное явление не составляет исключения и для феодального сербского государства, где договорные отношения постепенно вовлекли в сферу своего влияния широкие слои общества — феодалов и крестьян, ремесленников, торговцев и прочие категории населения, хотя определяющим и негативно влияющим фактором на указанный процесс в феодальной Сербии оставалось подчинение крестьянства господствующему классу, т.е. феодалам. Это главная «плотина» на пути развития и утверждения договорных отношений в эпоху феодализма, а следовательно, и в целом на пути становления институтов обязательственного права.

К началу XIV в. обязательственные правоотношения уже получили в феодальной Сербии надлежащее развитие, которое соответствовало уровню сложившихся производственных отношений. Наибольшее развитие получили такие формы договорных правоотношений, как купля-продажа, заем, найм, подряд, мена и дарение. На основе этих правоотношений развивались и обязательственные отношения, особенно в сфере передачи имущества одним лицом в пользу другого лица, выполнения работ, ссуживания денег и т.д. Следовательно, формирование обязательств в средневековом сербском государстве начало возникать из гражданских договоров, односторонних сделок, внедоговорных обязательств и нормативно-правовых актов, т.е. вследствие возмещения вреда.

Купля-продажа — договор, с помощью которого осуществляется обмен вещи на определенную сумму денег. В ходе реализации указанного вида договора продавец передает покупателю право собственности на проданную им вещь. В феодальной Сербии участие в этом виде правоотношений широких слоев населения было существенно затруднено в силу того, что зависимые слои населения, в первую очередь крестьяне, не могли являться полноправными участниками договорных отношений. Имущество зависимых категорий населения являлось собственностью господствующего класса — светских и духовных феодалов. Следова-

Виктор Иванович ЕРМОЛОВИЧ, кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин и международного права, зам. декана факультета права БГЭУ.

но, зависимое население в средневековой Сербии могло выступать только в роли условного владельца, который обладал ограниченной правоспособностью, в том числе и на реализацию права покупать и продавать. Реальным собственником имущества являлся феодал, который обладал правом собственности на имущество зависимого от него населения.

Имеющиеся в распоряжении автора источники права позволяют судить о том, что в средневековом сербском государстве широко применялись нормы договорных правоотношений, заимствованных из римского права. В пользу этого свидетельствует Призренская купчая грамота, выявленная в 1870 г. Указанная грамота датируется серединой XIV в. Ее текст содержит характерную для феодальной Сербии регламентацию гражданских правоотношений, в том числе и договора купли-продажи.

Купля-продажа необходимых товаров осуществлялась на основе принципа свободы внутренней и внешней торговли, который был гарантирован нормами обычного права и в более поздний период постановлениями ст. 18 “О переходе вещей”, ст. 119 “О купцах”, ст. 121 “О царниках” (царских сборщиках торговых пошлин — *В.Е.*) “Законника Стефана Душана”. Предметом договора купли-продажи являлись объекты движимой и недвижимой собственности. Например, в инвентарях имения монастыря Богородицы в Тетове упоминается земельное владение в Царевом Студенце, которое купил игумен монастыря в голодное время (неурожайное) у некоего Кюре и его рода за 20 кабал (1 кабал равен 15 кг — *В.Е.*) жита, мешок сыра и полутку (кадушку — *В.Е.*) сала [8, 98]. Приведенный пример позволяет сделать вывод, что реализация договора купли-продажи осуществлялась на основе как денежного, так и натурального обмена.

Правовой анализ содержания норм Призренской грамоты, который был проведен известным историком сербского права А. Соловьевым в работе “Договор купли-продажи в средневековой Сербии” [9] свидетельствует в пользу того, что в основе договорного права феодальной Сербии лежали нормы римского гражданского права, отраженные в тексте Свода византийских законов “Эклога”, получившего широкое распространение у южных славян. Адаптированный к условиям общественной жизни и быта южных славян вариант “Эклоги” получил название славянская “Эклога”. Из содержания постановлений “Эклоги” следует, что для заключения договора купли-продажи сербское феодальное право не требовало соблюдения строго установленных юридических норм. Например, ст. 1, титула IX “Эклоги” гласит: “Письменная или устная продажа и покупка какого-либо рода и, [в частности, какой-либо] вещи производится по оценке, установленной без обмана по соглашению участников. Когда же цена выплачена продавцу, а предмет продажи передан покупателю, то такая продажа по изменению намерения одной из сторон не подлежит отмене. Ибо необходимо, чтобы до заключения соглашения покупатель был точно осведомлен изучением [предмета продажи] и тогда вступил в соглашение...” [10, 58]. Значит, договор купли-продажи осуществлялся посредством простого соглашения сторон. Он вступал в силу и порождал правовые последствия с момента достижения соглашения сторон.

Вышеуказанная норма может стать основанием упрощенного правопонимания того, что достигнутое соглашение между продавцом и покупателем ни к чему их не обязывает и что лишь после того, как продажа совершена, ее условия становятся обязательными для обеих сторон соглашения. Однако не следует конкретную правовую норму рассматривать как универсальную, потому что указанная статья “Эклоги” (славянская “Эклога”, титул X, ст. 1; “Эклога”, титул IX, ст. 1) регулирует только условия реализации договора купли-продажи за наличные деньги.

В пользу договора свидетельствует ст. 2 титула IX “Эклоги” (славянская “Эклога”, титул X, ст.2). Она предусматривает, что заключению договора купли-продажи может предшествовать “испытание”. В качестве одной из его форм предусматривался задаток. В рассматриваемый период задаток трактовался как денежная сумма или какая-либо вещь, которая дается при заключении договора купли-продажи. Если договор не исполнялся по вине того, кто внес задаток, виновный терял его. Если договор не исполнялся по вине противной стороны, то полученный задаток должен был быть возвращен в двойном размере.

Наличие задатка при заключении договора купли-продажи показывает, что заключение и исполнение договора не всегда совпадали по времени. Договор куп-

ли-продажи проводил в действие обязательства сторон не в момент исполнения, а уже в момент его заключения.

Анализ имеющихся в распоряжении автора памятников феодального права Сербии позволяет судить о том, что существенных ограничений такой вид гражданско-правовой деятельности, как договор купли-продажи, со стороны законодателя не ощущал. Лишь ст. 21 “О продаже христианина” “Законника Стефана Душана” запрещала продажу представителей христианской конфессии представителям других вероисповеданий: “И кто продаст христианина в иную веру, да будет усечен и обрезан ему язык. И из властельских людей, которые сидят по церковным селам и по катунам (читать как округа — *В.Е.*), пусть всякий возвратится к своему господину” [3, 19].

В сербском праве периода феодализма институт займа опирался на нормы формирующегося залогового права. Постановление ст. 90 “Законника Стефана Душана” гласит: “Залоги, где только находятся, да выкупаются”. Из этого следует, что в силу договора займа заимодавец передавал заемщику определенную сумму денег или определенное количество вещей (чаще всего продуктов питания — *В.Е.*). В содержании указанного вида договора красной нитью прослеживается его классовая сущность. Заимодавцами чаще всего были представители господствующего класса — феодалы, а заемщиками обычно выступали обедневшие крестьяне. Неудивительно, что нормы средневекового права Сербии защищают в первую очередь интересы заимодавца. Ст. 1 титула X “Эклоги” (славянская “Эклога”, титул X, ст.1) гласит, что заемщик не имеет права требовать отсрочки уплаты долга вследствие вражеского нашествия, морского кораблекрушения или по какой-либо другой причине. Следовательно, отсрочка долга не допускалась даже при непреодолимой силе, даже в случае таких стихийных бедствий, предотвратить которые было не в силах должника. Для средневековой Сербии набеги врагов были обычным явлением, и часто происходило полное разорение крестьян в ходе этих набегов. Однако никакая отсрочка долга не допускалась. Заемщик должен был вернуть долг в установленный договором срок.

При невыполнении заемщиком своих обязательств в установленный срок кредитор, после нескольких предупреждений (не менее двух), имел право продать полученные в залог от заемщика вещи. Из появившейся суммы кредитор имел право погасить долг заемщика исходя из условий договора займа. Указанный подход к реализации института займа в немалой степени способствовал обезземеливанию, разорению крестьян, превращению их в зависимую категорию населения. Вместе с тем постановления действующих правовых актов на территории феодальной Сербии содержали и некоторые ограничения в отношении правомочий кредитора. Например, заимодавец в соответствии с постановлением ст.3, титула X “Эклоги” (славянская “Эклога”, титул XI, ст.1) не имел права брать в залог детей должника и привлекать их к работам, выполняемым рабами. Впрочем указанная норма исполнялась формально.

Согласно “Синтагме” Матвея Властаря, если в залог была дана вещь, приносящая плоды (т.е. заложен фруктовый сад — *В.Е.*), то плоды, собранные от этой вещи, должны быть зачислены в счет долга. При этом необходимо было учесть не только собранные плоды, но и те, которые были потеряны вследствие небрежности [11].

Длительное время короли Сербии пытались сдерживать широкомасштабное разорение населения страны, которое вело к ослаблению обороноспособности государства. Осуществлялась политика сдерживания путем правового запрета церкви — потенциально сильному субъекту хозяйственной деятельности в стране — заниматься ростовщической деятельностью. Данная правовая традиция была заложена еще Святым Саввой в гл. 45 “Номоканона” (“Кормчей книги”) в 1219 г. и получила дальнейшее развитие в хрисовулах королей Милутина и Стефана Душана Хиландарскому монастырю.

Ограничения на занятие ростовщической деятельностью для сербской церкви были сняты в 1388 г. на основании хрисовула, выданного кесарем Грегуром Архангеловскому монастырю.

В грамотах (хрисовулах) сербских королей и “Законнике Стефана Душана” нет правовых норм, регламентирующих условия договора найма вещи (аренды). Однако с древних времен у южных славян условия договора найма вещи опреде-

лялись на основе постановлений Дигестов Юстиниана (кн. XIX, титул II), которые в средневековой сербской редакции известны как “Законы царя Юстиниана”. С IX в. н. э. на территории Сербии получил распространение восточно-римский свод законов — “Эклога” и “Земледельческий закон”. Они представляли собою правовые акты феодальной эпохи, в основе которых лежали Законы Юстиниана. В указанных источниках договор найма вещи трактовался как договор, в силу которого одна сторона уступает другой не право собственности, а только право временного пользования вещью за определенное вознаграждение. Договор заключался посредством простого соглашения сторон, без соблюдения какой либо определенной формы. Согласно ст. 1, титула XIII “Эклоги” (славянская “Эклога”, титул XII, ст. 1), договор найма не мог заключаться на срок более 29 лет.

Формирование феодальных отношений способствовало более широкому утверждению института найма (аренды) в сфере землепользования у южных славян. Поэтому в феодальной Сербии приобрел широкое влияние византийский “Земледельческий закон”, который был использован наряду с “Законом царя Юстиниана” (ст. 13, 14) для регулирования отношений, связанных с землепользованием. Указанные источники права регламентировали 2 вида арендных отношений: ипотеку и мортитство [12, 207–208].

При ипотеке тот, кто взял внаем для обработки участок земли, должен был отдать наймодателю половину полученного урожая. Мортит в свою очередь возвращал наймодателю одну десятую урожая. Это дает основание полагать, что мортит работал со своим инвентарем, засеивал землю своими семенами и т.д.

Нормы, которые регулируют права и обязанности сторон по договору, защищают интересы наймодателя, который обычно был представителем господствующего класса.

Наймодатель был обязан заботиться о нанятом имуществе, как хороший хозяин. “Земледельческий закон” предусматривал, что если ипольщик, который нанял для обработки какой-либо виноградник, не заботился о нем как следует, не окапывал его, не огораживал, то он ничего не должен был получать из урожая (ст. 13).

Если ипольщик, нанявший поле, засеет его не распахав предварительно, то он не получает ничего из урожая (ст. 12).

В “Земледельческом законе” выказывалась забота о получении прибыли землевладельцем. Согласно ст. 9, если наниматель-мортит отмерит причитающуюся наймодателю часть урожая без ведома последнего, то он (наниматель) лишается всего урожая. Здесь санкцией являлось не только возмещение убытков, а полное лишение нанимателя-мортита какой бы то ни было выгоды, связанной с заключенным договором.

Ст. 1 “Земледельческого закона” давала возможность ипольщику отступить от заключенного договора. Однако он должен был сделать заявление об этом до начала работы. Допуская этот отказ, закон обеспечивал землевладельцу-наймодателю возможность самому обрабатывать участок земли или сдавать его внаем другому лицу. Таким образом, соблюдались государственные интересы, которые выражались в сборе налогов (десятины), и интересы самого землевладельца. На это указывает ст. 14 “Земледельческого закона”, которая гласит, что если ипольщик взял землю в исполу у землевладельца, который находится в отсутствии (следовательно, не имеет возможности обрабатывать землю и заботиться о ней), и не обрабатывает ее, он (испольщик) должен уплатить наемную плату в двойном размере. Следовательно, в отсутствии наймодателя, ипольщик не имеет возможности отступить от условий договора найма.

Договоры о найме рабочей силы и подряда (договор, имеющий своим предметом достижение определенного результата труда) не были широко распространены в средневековой Сербии. Это объясняется тем, что господствующий класс феодалов в то время пользовался трудом зависимых (крепостных) крестьян, а государственная власть предпочитала устанавливать многообразные повинности на своих подданных, что освобождало ее от услуг наемной рабочей силы.

Шире использовался договор подряда. Сербские ремесленники во времена средневековья работали преимущественно по поручению заказчика, и договоры, которые определяли вид их деятельности, являлись договорами подряда. В пользу этого свидетельствует полная редакция “Закона Судного Людем”, из со-

держания которого следует, что если портной испортит материал вследствие неумения шить или злонамеренности, он должен быть избит и лишен вознаграждения [13, 110].

Вклад как вид договора оформлялся на основе двухсторонних договоров правителей Сербии и Дубровника, заключенных в 1252, 1254, 1282, 1302, 1362 и 1387 гг. [14, 17–19, 32–37; 15, 184, 201]. Согласно принятым обязательствам договорившиеся стороны гарантировали неприкосновенность имущества подданным обоим государствам на своей территории. С одной стороны, представители правящей династии и сербская знать делали вклады движимого имущества (драгоценности, слитки золота и серебра, ценные вещи) в Дубровнике, страхуя себя от внутренних и внешних неприятностей, т.е. на случай бегства из страны. С другой стороны, дубровчане приобретали в Сербии недвижимое имущество. “Синтагма” Матвея Властаря являлась правовой основой, которая регулировала ответственность за сохранность имущества (дипозитарий) подданных Сербии в Дубровнике [16]. Интересы дубровчан соблюдались на основе ст. 125 “Законника Стефана Душана”, которая предписывала владеть тем имуществом, которое и ранее им принадлежало.

Дарение — это договор, посредством которого одно лицо (даритель) уступает безвозмездно другому лицу (одаряемому) собственность на вещь или деньги, проявляя при этом щедрость. Практика дарения в сербском законодательстве была регламентирована в Хрисовуле царя Душана от 28 марта 1343 г. В указанном правовом акте определены условия дарения частных лиц в отношении церкви и других частных лиц [17]. Например, представители феодальной знати передавали в дар монастырю Богородицы в Тетове за обряд погребения хлебную ниву, т.е. возделываемое хлебное поле [18].

Достаточно подробно процедура дарения была регламентирована в “Эклоге”. Именно поэтому нормы “Эклоги” на практике получили широкое применение и в феодальной Сербии. Согласно “Эклоге”, для того чтобы дарение было действительным, оно должно совершаться в присутствии пяти или минимум трех свидетелей. Пять свидетелей должно быть тогда, когда дарение совершается в населенном пункте. В противном случае достаточно присутствия трех свидетелей (“Эклога”, титул IV, ст. 1, 2; славянская “Эклога”, титул VI, ст. 2). Участие пяти или трех свидетелей необходимо для письменного и устного договора дарения, как для договора, который заключается на случай смерти дарителя. Обязательность формы, которую “Эклога” устанавливает для придания законности акту дарения, следует объяснить, во-первых, тем, что дарение — это акт, с помощью которого обычно передается право собственности. С одной стороны, эта передача должна происходить публично, чтобы было известно, кто является собственником вещи. С другой стороны, дарение — это акт щедрости, который должен быть хорошо обдуман. Именно с этой целью, а также во избежание какого-либо обмана, ошибки, угрозы и т.д. требовалось участие свидетелей. Таким способом обеспечивалась гласность.

В связи с тем, что дарение — безвозмездный акт, возможности его одностороннего аннулирования были гораздо более широкими, чем возможность одностороннего расторжения других договоров. Согласно закрепленным в “Эклоге” правовым нормам дарение могло быть отменено в следующих случаях:

- одаряемый оказался неблагоприятным;
- одаряемый нанес тяжкие оскорбления или поборил дарителя;
- одаряемый причинил дарителю большое несчастье;
- одаряемый участвовал в заговоре против жизни дарителя;
- одаряемый не выполнил условий, на которых было совершено дарение (“Эклога”, титул IV, ст. 6; славянская “Эклога”, титул IV, ст. 4).

Многие из этих причин не стали бы основанием расторжения возмездного договора, хотя являлись вполне достаточным основанием для одностороннего расторжения договора о дарении по воле дарителя.

Договор мены имел достаточно широкое применение на территории средневековой Сербии. Данный факт объясняется характером ее экономики. По этому договору передача собственности на вещь происходила в обмен на другую вещь. Например, лошадь обменивалась на телегу, телега дров — на две меры пшеницы и т.д. Ст. 18 “Закона Царя Юстиниана” предусматривала обмен землевладельцами одного земельного участка на другой. Обязательным условием для заключения

указанного вида договора являлось присутствие двух-трех заслуживающих доверия свидетелей [12, 208].

Подобная норма закреплена и в ст. 43 “Законника Стефана Душана”, которая гарантирует владельцу баштины (вотчинного владения — *В.Е.*) свободную продажу и обмен принадлежащей ему собственности [1, 58]. Причем договор об обмене можно было расторгнуть, если одна из сторон понесла убытки в результате произведенного обмена, т.е. за ней оставалось право на возмещение потерь, кроме тех случаев, когда в договоре было указано, что обмениваемые вещи неравноценны. Указанные нормы свидетельствуют о том, что сербский законодатель стремился облегчить заключение договора мены, ибо договоры служили укреплению и развитию частной собственности в стране.

Сербское феодальное право знало и другие виды договоров, например, ссуды, поклажи, поручения и товарищества. Однако данные об этих договорах весьма скудны. Это объясняется тем обстоятельством, что товарообмен в рассматриваемый период был слабо развит. Например, договоры товарищества предполагали более оживленные и сложные экономические отношения, поэтому не имели широкого распространения. Вместе с тем по закрепленным в “Эклоге” нормам, товарищество — это договор, вытекающий из соглашения, в силу которого каждый из членов товарищества вносил что-либо для достижения определенной хозяйственной цели. Вкладом, который вносили члены товарищества, могли быть деньги, вещи, а также труд участников товарищества. Следовательно, уже в те времена бывали случаи, когда одни члены товарищества вносили свое имущество, а другие — свое умение и труд. Все члены товарищества имели право участвовать в распределении прибыли, которое происходило в соответствии с условиями договора. Аналогично распределялись и убытки. “Если случится, — говорится в ”Эклоге”, — что в подобном товариществе произойдет потеря внесенных денег, каждый член товарищества несет убытки в соответствии со своей долей прибыли” (“Эклога”, титул XI, ст. 1; славянская “Эклога”, титул XII, ст. 1).

Следует учитывать и тот факт, что правоотношения при ссуде, поклаже, поручении и т.д., которые в большинстве случаев возникали между близкими людьми (родственниками, соседями, друзьями), регулировались нормами обычного права, многие из которых не дошли до нас.

Таким образом, анализ важнейших институтов гражданско-правовых отношений свидетельствует в пользу того, что в средневековой Сербии (XII — XV вв.) шел процесс становления гражданского права. В основе гражданского права феодальной Сербии лежали нормы классического римского права, которые были не слепо скопированы, а переработаны и дополнены с учетом реальной жизни средневекового общества.

Литература

1. Душанов законик: бистрички препис / Прево Д. Богданови . Београд, 1994.
2. Српска летопис. 1859. Т XXXIII. Кн. 99.
3. *Зигель Ф.* Законник Стефана Душана. СПб., 1872.
4. Животи краљева и архиепископа српских написао архиепископ Данило и други. Загреб, 1866.
5. Живот светога Симеуна и светога Саве написао Доментијан. Београд, 1865.
6. Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii ed Fr. Miklosich. Viennae, 1858.
7. Хрисовуљ Душана манастиру архангеловъ Михаила и Гаврила близъ Призрѣна // Синанпаша. Биоград, 1865.
8. *Јанкови Драгослав.* Историја државе и права феудалне Србије (XII — XV век). Београд, 1961.
9. *Соловјев А.* Уговор о куповини и продаји у средњовековној Србији // Архив за правне и друштвене науке. 1927. Свеска XXXII.
10. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. М., 1965.
11. *Андреев М.* Един непроучен препис на Синтагмата на Матеј Властар // Известия на Правния институт при БАН. 1955. Кн. 1.
12. Древняя редакция “Закона царя Юстиниана”. По ходошскому списку XV в. // Памятники законодательной дьятельности Душана Царя Сербовъ и Грековъ. Киевъ, 1888.
13. *Бобчев С.С.* Старобългарски правни паметници. София, 1903.
14. Старе српске повеље и писма. Београд, 1929. Кн. 1.
15. *Новакови С.* Законски споменници српских држава средњег века. Београд, 1912.
16. Сокращенная Синтагма Матвѣя Властаря при Законникъ Душана. По ходошскому списку XV в. // Памятники законодательной дьятельности Душана Царя Сербовъ и Грековъ. Киевъ, 1888.
17. Хрисовуљ Душана от 28 марта 1343 г. // Памятники законодательной дьятельности Душана Царя Сербовъ и Грековъ. Киевъ, 1888.
18. *Соловјев А.* Одабрани споменници српског права (од XII до краја XV века). Београд, 1926.